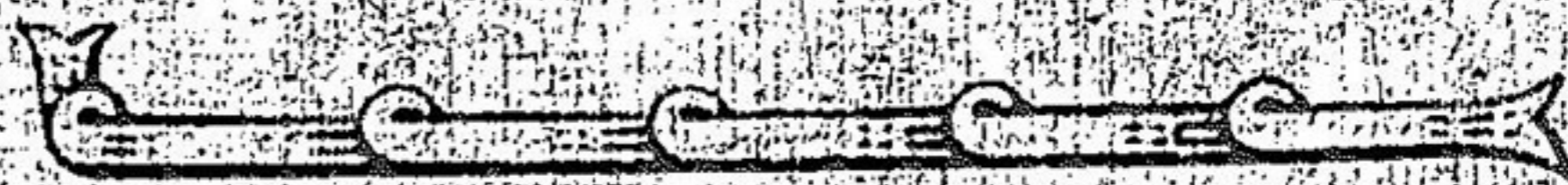

Русская литература

121

1958

ЛЕНИНГРАД

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Были ли в древней Руси литературные направления?

Если отождествлять литературное направление с художественным методом литературы вообще, как это делают авторы многих учебников по теории литературы, то вопрос и не может стоять: если есть художественная литература, то, следовательно, есть и художественный метод.

Под литературным направлением мы должны иметь все же в виду именно *направление* — направление художественного метода, сознательную устремленность литературного творчества в какую-то одну сторону при наличии потенциальной возможности двигаться и в другие стороны, при наличии, следовательно, *выбора* направления. Если в литературе художественный метод не меняется, осознается писателями как единственно возможный, «вечный», «всегда существовавший», то нет и направлений.

Сознательность в выборе именно данного художественного метода — необходимое условие существования литературного направления.

При таком понимании литературного направления как *сознательно* избираемого художником одного определенного художественного метода из ряда других, при наличии смены направлений, становится возможным поставить вопрос и о том, были ли в древней Руси литературные направления, была ли борьба художественных методов, их смена, были ли у писателя сознательный выбор своего метода.

~~Старое академическое литературоведение, не отвечая прямо на этот вопрос, по существу отрицало самую возможность существования литературных направлений в древней Руси.~~

В течение долгого времени древняя русская литература представлялась исследователям как литература, лишенная развития или развивающаяся крайне медленно, косная, основанная на традиционных формулах, трафаретных приемах, устоявшихся жанрах, однообразная по идеям или даже лишенная идейности, как литература, в которой *нельзя* было и предполагать смену направлений и целей, а можно было говорить лишь о смене влияний (сперва византийское, потом южнославянское и, наконец, западное).

Прямо противоположный ответ на вопрос о том, были ли в древней Руси литературные направления, дает Д. Чижевский. Д. Чижевский предлагает довольно четкую схему смен литературных направлений в славянских литературах, в том числе и в русской. Эта схема охватывает все развитие славянских литератур, рассматриваемых как единое целое.

Согласно этой схеме, существует два типа литературных направлений. С одной стороны, направления, отличающиеся стремлением к законченности, замкнутости формы, симметричности отношений, простоте, ясности и логичности; с другой — направления, в которых художествен-

ный план скрыт, законченность отсутствует, симметрия постоянно нарушается, вместо классической ясности и обозримости форм господствует стремление к их богатству, глубине и эмоциональной насыщенности. Пример первого типа литературных направлений — классицизм, пример второго — романтизм.

Подчиняя все литературные направления от раннего средневековья и до наших дней этим представлениям о двух типах литературных направлений, Дм. Чижевский¹ предлагает следующую схему развития славянских литератур (в том числе и русской):

Смены литературных направлений совершаются по этой схеме наподобие качания маятника: от литературного направления первого типа — к литературному направлению второго типа и обратно.

Все литературные направления, согласно этой схеме, равноправны: символизм оказывается таким же значимым литературным направлением, как и реализм, литературные направления наличествуют якобы в сложившемся виде уже в раннем средневековье и, по существу, никакого движения вперед не происходит.

В основе этой формалистической схемы смен литературных направлений лежит представление, что каждое направление само порождает свою противоположность. Причина этого, согласно данной схеме, заключается, очевидно, в том, что художественное возбуждение постепенно притупляется и вызывает потребность в обращении к своей противоположности. Одно литературное направление сменяется другим в силу «устаревания» первого, в силу того, что стиль «приедается» и литературные вкусы требуют новизны и эта новизна оказывается, согласно этой схеме, позади — в старом, оставленном перед тем типе направлений.

В этой бедной схеме литературного развития по существу отрицается движение литературы вперед, воздействие действительности, накопление опыта, литературного умения, — в конечном счете отрицается и традиция.

Кроме того, практически эта схема, выработанная Д. Чижевским для всех славянских литератур, не может быть применена к русской литературе: русская литература не знала ренессанса; барокко и классицизм вовсе не определялись как направления двух противоположных типов, символизм не сменял собой реализма и т. д.

Менее всего применима эта схема к древней русской литературе. Слабость ее именно в этой части, по-видимому, ощущалась самим Д. Чижевским, ибо для определения литературных направлений древней Руси ему пришлось прибегнуть к терминологии истории западноевропейской архитектуры: романский стиль, готика, ренессанс. Что такое ренессанс в древней русской литературе совсем не ясно. Это литературное на-

¹ Dmitry Cizevsky. Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic civilization. Vol. I. American Academy of Arts and Sciences, Boston, Massachusetts, 1952, p. 10—11.

правление иллюстрируется Д. Чижевским главным образом с помощью сербохорватских и западославянских примеров. Романский же стиль, согласно Д. Чижевскому, охватывает только XI век и доживает до середины XII века (не дольше), с середины же XII века господствует готика или «орнаментальный стиль»,¹ заканчивающийся где-то в пределах XV—XVI веков. Стиль этот объединяет собой, по мысли Д. Чижевского, и «Слово о полку Игореве», и произведения Епифания Премудрого, т. е. явления в корне различные.

Литературные направления для Д. Чижевского — это господствующие стили в литературе, стили, которые в какой-то мере сказываются одновременно («синхронно») в литературе всех стран, до известной степени объединяют литературу с другими видами искусства, хотя и развиваются имманентно, по своим однообразным внутренним законам (путем своеобразного «качания маятника» вкусов).

* * *

Очевидно, говорить о литературных направлениях в русской литературе XI—XVI веков и в самом деле нельзя, но не потому, что в древней литературе якобы не было развития. Развитие было, но это развитие шло не путем механических смен литературных направлений.

С одной стороны, в древней Руси не было литературной критики, которая могла бы отражать «литературные взгляды» писателей и читателей, делать ясными их литературные позиции и определять серьезность выбора писателем художественного метода. С другой стороны, литература в древней Руси не развивалась во взаимосвязи и взаимной борьбе всех литературных явлений, при которых только и возможно возникновение нового литературного направления, развитие этого литературного направления и смена его другим.

Если литература нового времени при всех ее внутренних противоречиях; борьбе различных тенденций развивается как единое, взаимосвязанное в борьбе или союзе целое, в единстве своих противоположностей, то в литературе древней Руси дело обстоит иначе. Бывали случаи, когда различные идеологии, различные художественные методы, различные художественные концепции не приходили в соприкосновение друг с другом, не сталкиваясь и не соединяясь, жили изолированно.

Одни литературные произведения в древней Руси не получают широкого распространения и прекращают свое существование раньше, чем успели повлиять на литературный процесс в целом; другие — переписываются и читаются в течение нескольких столетий, сохраняя при этом всю «действенность» в силу малоподвижности церковных идей, с которыми они связаны, третьи получают очень интенсивное распространение, но в какой-то одной местности, одном княжестве или одном монастыре и т. д. Литература развивается отдельными струями, некоторые из них текут быстрее, другие — медленнее, третьи едва заметны и не пробиваются на поверхность.

Еще одно явление создавало в древнерусской литературе механическое разделение, мешавшее выделению литературных направлений; — это резкие жанровые отличия.

Жанровые различия в древней русской литературе гораздо значительнее и гораздо устойчивее, чем в литературе новой. Жанр в древней русской литературе — это не только литературное явление, но явление и внелитературное, связанное с определенным употреблением его в церковной, политической жизни и быту.

¹ Напомню, что западноевропейская готика ведет свое начало только с XIII века.

Житие святого имеет не только литературное значение, оно входит в церковные службы, в монастырский обиход и поэтому не может меняться. Внутри житийного жанра существуют поджанры — минейные жития, проложные, патеричные и др. Все они также вполне определены и, связанные церковным обиходом, неизменны.

Летопись также явление не только литературное, художественное. Летопись — это документ исторический и юридический. Она также имеет определенное общественное и политическое внелитературное употребление. То же можно сказать и о таких жанрах, как послания, поучения, беседы, «хождения» и т. д.

Новые явления в области стиля охватывают не всю литературу в целом, а первоначально лишь отдельные жанры. Если общественные идеи сказываются во всей литературе одновременно, то изменение стиля проявляется главным образом внутри отдельных жанров. Так, например, второе югославянское влияние в стилистическом строе литературных произведений сказалось по преимуществу в житийной литературе и в гораздо меньшей степени в летописи.

Вот почему мы можем говорить о житийном стиле, хронографическом стиле, летописном стиле и т. д., тогда как сказать применительно к новой литературе «драматический стиль», «стиль романа», «стиль повести» — нелепость.

Таким образом, движение литературы вперед постоянно перекрещивается поперечными различиями, внутрижанровыми, областными и т. д.

Но самое главное перекрещивающее («поперечное») движение, стоявшее на пути развития литературы, заключалось в обособленном движении текста самого отдельного памятника.

Дело не только в том, что текст каждого отдельного древнерусского памятника крайне неустойчив и постоянно меняется, а и в том, что в этих изменениях текста памятника, помимо его изменения в связи с общей эволюцией литературных вкусов и взглядов, можно наблюдать один и тот же процесс смены нелитературных явлений литературными, «некнижных» — книжными, нарастания устойчивых жанровых признаков, и этот процесс постепенного развития «литературности», в какой-то мере стирая различия эпох, вносит в судьбу текста каждого отдельного произведения однонаправленные изменения, сбивавшие перспективу общего развития литературы в целом.

Явление это сложное и чрезвычайно характерное для древнерусской литературы. На нем стоит поэтому остановиться подробнее.

Художественная литература древней Руси развивается на фоне нелитературных явлений, на фоне деловой письменности, причем литература то сближается с этой деловой и просто бытовой письменностью, то отталкивается от нее.

В ряде работ последних лет подчеркивалось обогащение литературы, идущее от деловой письменности, появление новых жанров в литературе под влиянием форм деловых документов, нелитературных произведений (духовных, челобитных, статейных списков, различного рода посланий, даже азбук, лечебников, росписей о приданом и т. д.). Но замечалось другое: наряду с процессом интеграции литературы и деловой письменности шел и процесс постоянной дифференциации, процесс, не в меньшей мере обогащавший литературу. Литература не только сближалась с деловыми и бытовыми формами письменности, но и отталкивалась от них, стремилась возвыситься над всякой обыденщиной, стремилась к литературной выпреенности, и это также увеличивало богатство форм, богатство языка, богатство образов. Сближение и расхождение противостояли друг другу, но оба были полезны для литературы. Постоянная соотне-

сенность литературных и нелитературных явлений увеличивала напряженность литературного творчества, ускоряла развитие, облегчала создание новых литературных форм, то отталкивавшихся от нелитературных явлений, то обращавшихся к ним.

Особенно интересно проследить борьбу обеих тенденций (к дифференциации и интеграции с деловой письменностью) в пределах истории текста одного произведения.

Характерные явления могут быть отмечены в житийной литературе. Жанр житий, как уже отмечалось, далеко не однороден. Особый род житийной литературы представляют документальные записки, составлявшиеся как память о святом, «материалы» для его биографии. Эти записки не претендуют на литературность. Их основная функция — сохранить свидетельства о святом, факты его жизни, его посмертных чудес и т. д.

Эти записки впоследствии перерабатывались, становились все более и более литературными — «удобренными» и риторичными.

Такова, например, записка Иннокентия о последних восьми днях жизни Пафнутия Боровского¹ или житие Кассиана Босого,² или первоначальная редакция жития Зосимы Соловецкого.³

Записка Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского — это своеобразное литературное «чудо» XV века. Иннокентий писал ее в 1477 или 1478 году. Он стремился к полной правдивости, записывал по возможности всё, что знал о Пафнутии, с буквальной точностью передавал его слова. В результате в ней не только тщательно переданы все взаимоотношения Пафнутия с монастырскими обитателями, а отчасти и с немонастырскими лицами, но очень точно обрисован и самый характер Пафнутия. Следовательно, в этой записке налицо такие явления литературного творчества, которые осознанно вступают в литературу значительно позднее. Перед нами как бы бессознательный, стихийный средневековый натурализм. Раньше, чем характер человека был открыт в литературе, здесь перед нами выступает вполне четко обрисованная индивидуальность: волевой, очень решительный человек, необыкновенно сильный и властный, старчески раздражительный и упрямый.

Записка Иннокентия написана с потрясающей правдивостью. Иннокентий сам пишет: «не буди мне лгати на преподобного, понеже и свидетелне суть неложнии». По-видимому, непосредственные и непретенциозные рассказы свидетелей во все времена отличались чертами правдивости, в которых не следует усматривать особой литературной позиции авторов, особого стиля или литературного направления. Это не реалистичность литературы, а реальность самой жизни, как бы перенесенная в литературу, это стихийный «реализм» (вернее натурализм) документа, точной записи происходящего.

В пределах XV века эти записки, как и самые события, перерабатываются в схемы, далекие от реализма. Записка Иннокентия была переработана Вассианом в житие Пафнутия.

То же самое можно проследить и на судьбе жития Зосимы. Первоначальная редакция жития Зосимы представляла собой именно такого рода записку — памятные записи, воспоминания, продиктованные неграмотным старцем Германом клирикам Соловецкого монастыря. Эту первоначальную редакцию жития Герман «простою речню сказоваше клириком, а они клирицы тако писаша, не украшая писания словесы». Об этом

¹ «Древнерусские жития святых как исторический памятник». Исследование В. О. Ключевского. М., 1871, стр. 439—453.

² См. А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 258 и сл.

³ В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 198 и сл.

говорит Досифей в послесловии к житию Зосимы («О сотворении жития»), сам записывавший от Германа сведения о Зосиме, а потом составивший по поручению новгородского архиепископа Геннадия его второе житие. Это второе житие, написанное также еще не украшенными «словами», Досифей передал в Ферапонтов монастырь бывшему митрополиту Спиридону, который и «удобрил» его. Характерно, что впоследствии Максим Грек счел и эту переделку жития Зосимы недостаточно литературной.

Итак, записки свидетелей, «некнижные» редакции житий, постоянно сменяются их книжными редакциями. Достоверные факты, свидетельствующие об обратном процессе, неизвестны.

В истории текста очень многих литературных произведений в пределах XI—XVI веков мы можем заметить то же движение от первоначальных нелитературных форм к литературным, от «просторечия» и непосредственной фольклорности к усилению признаков жанра, развитию «литературности» изложения. Это происходит, в частности, и с бытовой повестью. Первоначальные, древнейшие тексты повестей гораздо «фольклорнее», проще, ближе к жизни, чем последующие. Эти изменения в истории текста произведений нередко принимались за отражение борьбы различных стилей, хотя серьезных оснований к этому и не было.

Первоначальные редакции произведений, как правило, менее литературны, менее «книжны», чем последующие. История текста отдельных произведений показывает, что произведение в движении своего текста усиливает свою литературность. И это доказывает, что самые представления о том, какой должна быть литература, были едины, что никакой борьбы направлений в литературе не происходит.

Не следует видеть эту борьбу и в известных полемических замечаниях Курбского по поводу грубости стиля Грозного («Тут же о постелях и телогреях и иные безчисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни...»¹ — пишет Курбский о первом послании Грозного). Курбский в своем желании укорить Грозного уличает его в неумении писать литературно, а не полемизирует с ним по поводу его литературных взглядов. И замечательно, что Грозный не защищает своих литературных позиций, как защищал свое «просторечие» впоследствии Аввакум. Сознательных литературных позиций у Грозного нет. Грозный принимает упрек Курбского и, перенося материал своего первого послания Курбскому в приписки к Лицевому своду, по наблюдению Д. Н. Альшица, пропускает как раз те два рассказа, которые подверглись осмеянию Курбского² и в которых речь шла о том, как Иван Шуйский «сидит на лавке, локтем опершись, об отца нашего постелю, ногу положа на стул», и о шубе Ивана Шуйского («мухояр зелен на кунцах, да и те ветхи»)³.

* * *

Итак, целый ряд явлений, свойственных литературе средневековья, не допускал возникновения литературных направлений. Эти явления были тесно связаны со средневековым мировоззрением и, в конечном счете, определялись всем строем феодализма.

Однако сама жизнь шла вперед, менялись формы феодализма, происходила ожесточенная борьба идеологий, отражавшая классовую

¹ Русская историческая библиотека, т. XXXI, СПб., 1914, стлб. 113.

² Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. «Исторические записки», № 23. М., 1947, стр. 274—275.

³ «Послания Ивана Грозного» под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перети. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 33—34.

борьбу, литература же была тесно связана с действительностью и развивалась вместе с этой действительностью, но это развитие не совершалось путем смены литературных направлений.....

Движение литературы в XI—XVI веках происходило, с одной стороны, там, где литература наиболее тесно соприкасалась с жизнью, — в сфере общественных идей, политических тенденций, а с другой стороны, там, где литература смыкалась с остальными видами искусства и представляла художественный облик эпохи в целом.

Художественное лицо эпохи — это не литературное направление, не направление одного какого-либо искусства. Художественное лицо эпохи меняется медленнее, чем сменяются направления, оно сказывается в особенностях стиля, в самом широком смысле этого слова, общих для всех искусств и опирающихся на свойственные эпохе особенности общественного развития, особенности, объединяющие все противоречия эпохи и самую борьбу идеологий, в ней происходящую.

В силу ряда обстоятельств художественное лицо эпохи, объединяющее все искусства, сказывается в древней Руси сильнее, чем в новое время.

Не подлежит, например, сомнению, что возросшая эмоциональность литературного стиля конца XIV—XV веков находится в связи с возросшей же эмоциональностью и динамизмом живописи того же времени, особенно живописи монументальной. Так называемый «палеологовский ренессанс», «второе югославянское влияние», стиль Епифания Премудрого связаны между собой, и эта связь может быть доказана не только общими стилистическими (в широком смысле) признаками, но и наличием общих сюжетов, тем. В качестве примера приведу легенду о Христе в гостях у игумена, которая почти одновременно проникает и в литературу («Измарагд»), и в изобразительное искусство (росписи церкви на Волотовом поле). И в литературу, и в живопись проникают в конце XIV—XV веков темы материнства, семейной жизни, сюжеты, связанные с психологическими переживаниями, изображение этих переживаний и т. д.

Литература тесно связана с художественным лицом эпохи. Это художественное лицо определяется уже в XI веке и меняется в XII и XIII веках. Оно совсем новое со второй половины XIV века и приобретает особые черты в конце XV и в XVI веке. Оно необыкновенно сложно и внутренне противоречиво в XVII веке, объединяя в это время ожесточенную борьбу различных тенденций.

Изучение художественного облика различных эпох — дело будущих исследований, сейчас же отметим, что эта тесная связь древней русской литературы с другими искусствами налагает на исследователей обязанность особенно внимательно изучать русскую литературу XI—XVII веков в ее взаимоотношении со всеми прочими видами искусства. Изучение этих связей дает нам ключ к пониманию литературного процесса. На необходимость этого изучения неоднократно указывали виднейшие исследователи древней русской литературы, начиная с Ф. И. Буслаева.

Итак, литературных направлений в древней Руси XI—XVI веков не было. Это отсутствие литературных направлений отнюдь не вызывалось медленностью развития литературы; оно было связано с целым рядом особенностей историко-литературного процесса, особым бытованием произведений, их распространением и т. д. Литература развивалась или в очень тесном соприкосновении с жизнью, в почти полной неразрывности с нею, или в тесной связи с изменениями художественного лица эпохи. Внутреннее же развитие литературы тормозилось вследствие недостаточности в ней единства.

* * *

Когда же в русской литературе появляются литературные направления и чем было обусловлено их появление?

Появление в русской литературе первых литературных направлений следует относить к той эпохе, когда литература постепенно отходит от средневековых принципов, когда она окончательно определяется в своей литературной специфике и когда делается возможным сознательный выбор писателем своего художественного метода.

Зарождение литературных направлений — процесс длительный, но уже в XVII веке можно говорить о появлении первого литературного направления в русской литературе — направления, представленного именами Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и др., которое не совсем удачно называется литературой барокко. Это литературное направление резко выделяется и на фоне старого, еще частично сохраняющегося средневекового художественного метода, и на фоне художественного метода новой демократической литературы XVII века.

Стиль барокко, блестяще охарактеризованный применительно к поэзии Симеона Полоцкого И. П. Ереминым,¹ — больше чем стиль, он связан со своими темами, со своими только ему присущими формами познания мира, со своим отношением к миру. Это, по существу, и есть первое литературное направление. Как увидим в дальнейшем, его появление было обусловлено всем ходом развития русской литературы.

Рассмотрим кратко, как постепенно падают в XVII веке те препятствия, которые в самой литературе мешали появлению литературных направлений, как постепенно литература всё более определяется в своей специфике, намечаются элементы сознательного отношения к выбору художественного метода.

Замечательно, что в процессе развития литературы, особенно к XVI и XVII векам, не только отдельные «некнижные» произведения, как уже отмечалось выше, приобретают «книжный» (т. е. литературный) характер, но всё увеличивается и самое количество «книжных» жанров. Появляются степенные книги, «истории». Исторические повести, которые до XVII века носили «нерегулярный» характер, приобретают все признаки определенного жанра. Историко-бытовая повесть, которая до XVII века также имела «нерегулярный» характер и обычно в своих поздних редакциях перерастала в житие, в XVII веке приобретает признаки устойчивого жанра. «Литературность» всё сильнее проникает в летописание (особенно начиная с середины XVI века, когда весьма ощутимым становится влияние хронографа). В XVII веке появляются целые новые области литературы: виршевая поэзия и драматургия.

В этой обстановке меняется даже самое взаимоотношение литературных и нелитературных явлений. Если раньше нелитературные, «некнижные» произведения письменности служили только основой, «отправным пунктом» для многих литературных произведений, не пытаясь заменить собой литературу, то теперь, в XVII веке, целый ряд нелитературных явлений сам претендует на то, чтобы быть литературой. «Просторечие», различные «деловые» формы письменности начинают восприниматься как особые литературные стили.

Так, например, «некнижные» жития — предварительные записки о святом, ранее не претендовавшие на то, чтобы представлять окончательную форму жития, теперь, в XVII веке, заявляют право быть «боль-

¹ И. П. Еремин: Поэтический стиль Симеона Полоцкого. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. VI. М.—Л., 1948, стр. 125—153.

шой литературой». «Житие» Аввакума, так же как и другие его произведения, — это литература, в которой «некнижный» характер произведения осознается как своеобразный литературный стиль. В самом деле, Аввакум считал себя защитником национальной самобытности, и эту национальную самобытность в литературе он видел не в «книжности» стиля, а в «просторечии». «Не ищите, — говорит он, — риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть христианин». Это беспримерное по смелости высказывание Аввакума противоречило всей литературной практике, существовавшей до него. Там «риторика», «красноречие», «красноглаголанье» были неизменным идеалом всякого писателя. Все литературные произведения, переделываясь, приближались только к этому идеалу литературности, и именно это «красноглаголанье» и «плетение словес» считается достойным выражением святости (у Епифания Премудрого, Пахомия Серба и др.).

Житие Аввакума хотя и подобно «запискам», однако не претендует на то, чтобы быть материалом для более книжного «жития». Это уже литература, уже вполне законченное произведение.

В творчестве Аввакума мы впервые видим сознательное обращение к бытовой речи как к определенному литературному стилю. В этом принципиальное отличие жития Аввакума от некнижных житийных записок предшествующего времени и, в частности, от «записки» Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского, некнижного жития Зосимы, некнижного жития Михаила Клопского, некнижных элементов в посланиях Грозного, Иосифа Волоцкого и т. д. Это явление чрезвычайно важно. Оно доказывает зрелость литературного развития, способность литературы время от времени не стихийно, а сознательно обращаться к бытовой и деловой речи, обогащаться ею. В XVII веке осуществляется победа над деловой письменностью. Многие из форм деловой письменности включаются в литературу как уже литературные явления. В XVII веке, а отчасти уже в XVI веке, вступает в силу сознательное обращение к жанру и стилю деловых документов (статейных списков, дипломатической переписки, челобитных и пр.).

Аналогичным образом в XVII веке мы видим не стихийное, а вполне сознательное обращение к фольклору, к фольклорным произведениям как к определенному стилю.

Между фольклорностью отдельных пассажей в старшей летописи, отдельных пассажей в «Повести о разорении Рязани», фольклорностью основы «Повести о Петре и Февронии», с одной стороны, и фольклорностью «Повести о Горе Злочастии», отдельных произведений демократической сатиры XVII века или песен Квашнина-Самарина — с другой, есть принципиальное различие. Последние произведения стремятся последовательно (в меру своих возможностей) выдержать фольклорный стиль, отчетливо ощущают жанр фольклорных произведений. Летопись же, «Повесть о разорении Рязани» и другие произведения старшей поры сознательно используют лишь факты из фольклорных произведений, стиль же фольклорных произведений проникает в книжность вместе с фактами либо стихийно, либо постольку, поскольку он не вступал в резкое противоречие с книжными жанрами.

Обострение чувства стиля демонстрируется еще на одном явлении, чрезвычайно распространенном в XVII веке, — на пародии. Распространение пародий в XVII веке свидетельствует о том, что чувство стиля достигло большой высоты. Пародируются не только «жанры» деловых документов, но и церковная служба, гимнографические произведения и пр.

Пародия — это уже своеобразная форма литературной критики. Движение литературы начинает контролироваться читателем и оспариваться писателем, приобретает всё более и более «сознательный» характер.

В XVII веке появляется также относительная стабилизация текста литературных произведений и усиливается значение авторского начала в литературе. Не следует думать, что подвижность, «текучесть» текста древнерусских литературных произведений XI—XVI веков была результатом только технических особенностей их размножения и распространения в древней Руси — их переписки от руки. Подвижность текста литературных произведений — в первую очередь результат особенностей литературного сознания своего времени, слабости авторского начала, силы «коллективного» начала в литературном творчестве.

В связи с этим чрезвычайно важно, что «закрепление» и стабилизация текстов литературных произведений началась раньше, чем получил широкое распространение печатный станок, еще в той же рукописной традиции. Это свидетельствует о перемене отношения к авторству, к самому произведению, что находится в связи с появлением в XVII веке первых профессиональных писателей (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев и др.).

Произведения стиля «барокко» получают «жесткую» определенную форму, они закреплены в не поддающейся изменению стихотворной форме. Поэтому «литературная история» произведения уже не может быть такой свободной, какой она была раньше. Она не может «перекрывать» общее литературное развитие. Вирши Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина или монаха Германа — устоявшиеся литературные произведения. Они закреплены даже внешним своим оформлением: акrostихи, сложные фигуры, которые образуют стихи, сложное их оформление орнаментальными рамками стабилизируют их текст, не позволяют ему меняться так, как менялся текст летописей, житийной, проповеднической литературы предшествующего времени.

* * *

Итак, появление литературных направлений в XVII веке сопровождалось целым рядом сопутствующих явлений: увеличением количества жанров и кристаллизацией их чисто литературных, а не только деловых функций, осознанием просторечия как особого литературного стиля, стабилизацией текста литературных произведений, появлением первых элементов литературной критики, возникновением споров по общим вопросам эстетики (Иосиф Владимиров, Симон Ушаков и т. д.), появлением литературных пародий, что знаменовало собой вполне сознательное отношение к выбору стиля.

Было бы неправильно видеть во всех этих тесно взаимосвязанных сопутствующих явлениях единственную причину появления литературных направлений. Сопутствующие явления создавали только благоприятные условия для возникновения литературных направлений, но причины были в другом — в классовом расслоении литературы.

До XVII века вся русская литература в той или иной степени была литературой феодального класса. В эту литературу феодального класса могли проникать народные идеалы, народность художественной формы и т. д., но только в XVII веке появляются литературные произведения, созданные в среде эксплуатируемого класса, появляется демократическая литература (демократическая сатира всех видов, отдельные произведения, созданные на фольклорной основе, и т. д.). Благодаря этому в литературе усиливается и идейное расслоение, следовательно, и расслоение

художественных вкусов, следовательно, и элементы литературной критики.

Вокруг произведений демократической сатиры возникает любопытная критическая литература. У нее появляются и противники, и защитники, причем обсуждается самая форма этих произведений. Иван Бегичев осуждает «баснословные повести и смехотворные письма», противопоставляя их «душеполезному» чтению. Другой автор, напротив, защищает одно из самых острых сатирических произведений сатирической литературы — «Службу кабаку», указывая, что она приносит «пользу добрую», оправдывает самую форму, способ осуждения кабаков.¹ Противник и защитник стоят в споре на диаметрально противоположных классовых позициях. Бегичев — представитель интересов феодального класса; защитник демократической сатиры — автор предисловия к «Службе кабаку» — стоит на позициях демократических низов.

Таким образом, литературные направления появляются с классовым расщеплением литературы на литературу господствующих верхов и демократических низов. С этим расщеплением возникает резкое различие идеологий, появляются различные художественные методы, создается возможность выбора художественного метода, возникают споры в области эстетики, зарождаются элементы литературной критики, появляются первые профессиональные писатели, стабилизируются тексты литературных произведений, — всё это создавало необходимые условия и самую потребность в литературных направлениях.

Первое литературное направление — это то, которое мы условно называем литературой барокко и литературным антиподом которого явилась демократическая литература XVII века, впервые сознательно оперирующая на просторечие и деловой документ как на определенный стиль.

Проблема появления первых литературных направлений очень сложна. Она требует исследований и исследований. По-видимому, дело обстоит так, что в процессе образования первых литературных направлений сыграли свою роль и внутренние законы развития литературы и общие исторические законы развития общества.

¹ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 140—141.